

29 ДЕК 1958

Брянский комсомолец

г. Брянск

ДЕРЕВО НАЧИНАЕТСЯ С КОРНЕЙ

Он приехал в апреле. Его скарб составлял небольшой чемодан. Помню, открыл его, достал полотенце, повесил на спинку стула, вынул светильник, вырезанный из дерева и изображающий древнего скальда, остановившегося в задумчивости, приладил его к стене. Потом осмотрелся, сел на старенький диван, покачался и забасил:

— Работать приехал! Хочу работать!

Так в нашем Брянском театре появился новый актер — Володя Варенцов. И это были не просто новый город и новый театр, это было преддверие его начала, как актера: первые самостоятельные роли, сомнения, поиски, ошибки, удача... Он только ончился театрального училища в Горьком. Были различные предложения. Выбрал Брянск.

— Почему именно Брянск? Мне предлагали разное, а вот приехал Анатолий Григорьевич Новиков, главный режиссер Брянского театра, поговорили с ним... Если учесть, что я только училище ончился и сразу настоящая работа... В общем, слова здесь излишни. Конечно, долго не раздумывал. Собрал вещички и — сюда.

Первый образ, который он создал на сцене (я не говорю об учебных спектаклях), стал образ Николая Островского в пьесе Юрия Прицпева «Девятая симфония».

— Станиславский говорил: «Так как каждый артист должен создавать на сцене образ, а не просто показывать себя самого зрителю, то перевоплощение и характерность становятся необходимыми всем нам. Другими словами, все без исключения артисты — творцы образов — должны перевоплощаться и быть характерными». Перевплощение — трудное и необходимое слово. Ну, конечно же, я перечитал, в который раз, «Как закалялась сталь», конечно же, знакомился с материалами о жизни Островского, с его письмами, с воспоминаниями о нем тех, кто знал его близко. Но одно дело понимать образ, а второе — понять те причины, ту жизнь, которые породили в нас это понимание. И не просто понять, а как бы заново пережить в себе все то, что определило в дальнейшем цельность характера героя, образ которого актер создает на сцене. Здесь-то и существует еще одно «нов». Любим человек не может существовать вне своего времени. Оно, время, определяет его поступки, вызывает их. Играть образ вне времени невысисимо. Тихих людей, как Островский, революция рождала и они рождали ее. В этом отношении в работе над ролью мне очень помог режиссер Владимир Григорьевич Давыдов, режиссер эмоциональный, с чувством внутреннего танта, умеющий зажечь актера своей идеей и, зажигая, не давить над актером как режиссер. Мне ведь трудно было не только потому, что сложная роль, мне трудно было еще и потому, что актер я молодой и это первая моя роль. Где-то я был неуверен, где-то сорвался, где-то не мог найти нужный ключ к игре. Всегда рядом был Давыдов. Я рад, что встретил такого режиссера, — режиссера-учителя, режиссера-товарища.

Долго искал грим. Да, какое-то внешнее сходство есть. Но этого ведь мало. Опять у Станиславского: «С... большим почтением, любовью и вниманием должен отно-

ситься артист и своему гриму. Его надо накладыывать на лицо не механически, а, так сказать, психологически, думая о душе и жизни роли. Тогда ничтожная морщина получает свое внутреннее обоснование от самой жизни, которая наложила на лицо этот след...». Проба следовала за пробой. Здесь на помощь пришел гример Василий Иванович Медведев.

Вот у антера часто спрашивают: как вы работали над ролью, как работаете?

— Работая, вот и все, — отвечают многие.

И я понимаю их, понимаю потому, что сам процесс работы трудно объяснить. Ведь это не только чинта самой пьесы, репетиции, поиски грима. Это и постоянная мучительность сомнения; это и когда ты идешь по улице и улыбаешься сам себе, потому что именно сейчас, здесь, на улице, ты нашел штрих игры, который так долго искал, и вот на тебе, нашел; это и спор до утра, когда так накурено в комнате, так накурено... Распахнешь окно, сад уснул, тихо, тускло поблескивают листья после недавно прошедшего дождя...

Работа — это тысячи мелочей, тысячи разочарований, радостей, которые порой трудно объяснить, потому что слова не выразят во всей глубине того, что ты пережил и понял. Поэтому трудно отвечать на вопрос: как ты работал? Просто работал, думал, искал, сомневался, находил...

Мы шли с ним по вечерней улице.

— Странная зима, — сказал он вдруг. — теплая, бесснежная и странная... А вообще, я люблю Шекспира. Вот это поистине — шнола для антера.

Мы шли и слушали ночной город. Куда-то спешили люди. Они вечно куда-то спешат. Куда-то спешили машины. Они вечно куда-то спешат. Неожиданно пошел снег. Он падал мягко и неслышно. Мы расстались. У каждого были дела.

Володе двадцать два года. Он первый год работает в театре. Он создал образ Николая Островского, и мы поверили в этот образ. Он работал над ним в год, когда нашему комсомолу исполнилось пятьдесят лет. Его работа — творческий подарок юбилею. Хороший, настоящий подарок. Затем работа над образом геолога Серереи в комедии «Десять суток за любовь» В. Константинова и Б. Рацера. Сейчас он в преддверии новой роли. Он занят в «Чайке», будет играть Медведевко.

Минувший год стал годом начала зрелости антера. У него впереди еще много ролей. Это — труд, сложный и кропотливый. Говорят, что первые шаги определяют человека, как дерево определяют корни. Его первый год работы доказал: у меня хорошие корни, сильные и упрямые, я могу расти дальше, я хочу расти, я должен расти.

Это закон жизни каждого настоящего художника. Мы поверили в корни, значит, мы верим в дерево, потому что дерево начинается с корней. Мы ждем новых встреч с Володей Варенцовым.

С. ТОЛКАЧЕВ.